

Э. В. Севортян.

Этимологический словарь тюркских языков.

(Общетюркские и межтюркские основы на гласные). М., 1974, 767 стр.

Выход в свет первого тома «Этимологического словаря тюркских языков», составленного Э. В. Севортяном, и планируемое на ближайшие годы завершение работы над другими томами, — выдающееся событие в тюркологии, которое непременно окажет воздействие на последующий ход лексикографических исследований.

По глубине освещения истории слов рецензируемый словарь не имеет равных себе среди тюркских словарей¹, а по объему содержащихся в нем материалов занимает место в одном ряду с фундаментальными словарями В. В. Радлова, Э. К. Пекарского и К. К. Юдахина. Он охватывает почти всю доступную лексику, составлен с учетом достижений современной лингвистической науки и содержит обширные и разнообразные сведения о каждом этимологизируемом слове.

В истории советской тюркологии последние два-три десятилетия были периодом непрерывного накопления фактов и упорных поисков их осмысления. Обилие материалов, являющееся следствием длительного существования письменной традиции и наличия множества диалектов, и щедрый поток идей, питаемый постоянно растущим интересом к лингвистической теории, создали благодатную почву для больших обобщений как в области грамматики, так и в области лексикологии. Составление этимологического словаря не было, таким образом, случайным предприятием, и то, что за эту работу взялся тюрколог, уже имевший многолетний опыт исследования разных тюркских языков, явилось своего рода гарантией от излишней поспешности и нереалистической постановки задач этимологизации тюркской лексики.

Являясь крупным тюркологом-теоретиком, Э. В. Севортян шел к реализации выдвинутой Н. К. Дмитриевым идее тюркского этимологического словаря с четко намеченной программой последовательного изучения источников и решения теоретических проблем. Этот путь был долгим и трудным. Недостаточно высокий уровень тюркской компаративистики, малочисленность работ в области лексикологии, наличие алтайской, урало-алтайской и других гипотез, умножающее трудности фонетических реконструкций, серьезно препятствовали развёртыванию этимологических исследований. Пришлось по-новому взглянуть на многие вопросы исторической фонетики и морфологии тюркских языков. В ходе решения поставленной задачи Э. В. Севортян с должным вниманием отнесся к трудам своих предшественников, тщательно проверил все, что было сделано в тюркологии за последние сто лет, и с исчерпывающей полнотой охарактеризовал основные приемы этимологического анализа.

Источники словаря — лексикологические и лексикографические издания, монографии и статьи, публикации старописьменных памятников и диалектных текстов.

В словник вошли «общетюркские и межтюркские односложные и односложные структурно-семантически затемненные основы и основы певческого языкового происхождения» (стр. 46).

Каждая словарная статья включает список разновидностей основы, перечень значений, этимологическую разработку и совмещенный с ней, или самостоятельный, библиографический раздел. Форма заглавного слова — туркменская, при отсутствии его в туркменском языке — турецкая.

Достоинства нового этимологического словаря не только в хорошо систематизированной подаче материала, в полноте библиографических сведений, но и в твердо выдержанной объективности и корректности оценок различных точек зрения, в профессиональном умении автора преодолевать многообразие

¹ Подробно о тюркских этимологических словарях см. в статье: А. М. Щербак. Состояние работы и задачи составления этимологических словарей тюркских языков. «Советская тюркология». Баку, 1975, № 4.

существующих толкований слов путем критического разбора их и сопоставления.

Ниже мы остановимся на теоретических положениях, которые легли в основу рецензируемого словаря и, в известной мере, предопределили его качество. Попутно будут сделаны замечания, скорее дискуссионного, чем критического, характера, продиктованные желанием способствовать успешному продолжению работы над словарем и нисколько не умаляющие достоинства изданного тома.

Важнейшей задачей этимологического словаря тюркских языков, по мнению Э. В. Севортыяна, является «выяснение морфо-семантического состава и языковой принадлежности (происхождения) этимологически затемненных, преимущественно неодносложных основ» и «реконструкция более древнего фонетического состояния как самой основы, так, отчасти, и входящих в нее морфем» (стр. 25).

Выяснение морфо-семантического состава производится посредством раскрытия типических словообразовательных и словоизменительных моделей, с применением сравнительного метода и метода внутренней реконструкции, что дает возможность точнее определить господствующие тенденции в развитии тюркского слова. Сделан заметный шаг вперед в направлении уточнения методики морфемного анализа и увеличения степени достоверности результатов ее использования, хотя, естественно, не со всеми заключениями Э. В. Севортыяна по поводу первоначального морфологического состава неразложимых основ (resp. слов) можно согласиться.

В порядке возражения автору коснемся, прежде всего, членения слов *асра*² 'внизу' и *ичрә* 'внутри', 'внутрь' соответственно на *ас-ра*, *ич-рә* и квалификации *ра* ~ *рә* как архаического показателя направительного падежа (стр. 196, 390, 475). До сих пор в распоряжении тюркологов нет ни одного убедительного факта, позволяющего реконструировать в праязыке падежную форму на *-ра* ~ *-рә* или *-ру* ~ *-рү*. Зато явственно прозрачная связь между отдельными образованиями на *ра* ~ *рә*, *ру* ~ *рү* и глагольными основами, что побуждает отнестись со всей серьезностью к предположению А. Зайончковского о появлении «направительного суффикса *-ра*, *-ру* вследствие переразложения деепричастий, образованных от каузативных глаголов на *-р*»³. Ср. якут. *тахар* ~ *тахар-* 'выводить наружу, выносить', *тахара* ~ *тахарә* 'вне, наружу'; др.-тюрк. *тәҗир-* 'заставлять касаться', 'обводить', *тәҗрә* 'вокруг'.

Спорным является также предлагаемое Э. В. Севортыяном членение образных глаголов типа туркм. *аскыр-* 'чихать' (стр. 194), алт. *ичкыр-* 'храпеть (о лошади)' (стр. 674) на образные, или звукоподражательные, основы *ас*, *иш* и аффикс *-кыр* ~ *кур*. Может быть, при сравнении тур. *пүйфкүр* 'дуть' с азерб. *пүйфлә*—такое членение покажется само собой разумеющимся, однако необходимо иметь в виду, что не исключены разновидности звукоподражательных основ *һор*, *пич*, *күр*, *пүйф*, *пийш*, *киј* с конечным *к(н)*, ср. в якутском языке: *бал* ~ *балк* — подражание звуку удара или падения полужидкой или тестообразной массы, *бүл* ~ *бүлк* — подражание приглушенному бульканью, *чал* ~ *чалк* — подражание звуку падения слизистой массы или капли в жидкость⁴. С другой стороны, нельзя не учитывать распространенность в тюркских языках устойчивых сочетаний образных, или звукоподражательных, слов с глаголами *эт-*, *чэк-*, *тарт-* и, чаще всего, с глаголом *ур-*, ср. др.-тюрк. *јам јам ур-* 'ударять с грохотом', *јарс јарс ур-* 'ударять с треском'; ст.-узб. *још ур-* 'бурлить, пениться', *ка ка ур-* 'хохотать'; азерб. *һорт вур-* 'глотать'; казах. *карк эт-* 'кар-

² Здесь и ниже воспроизведены с незначительными изменениями написания, принятые в словаре.

³ A. Z a j a s z k o w s k i. Sufiksy imienne i czasownikowe w języku zachodnio-karaimskim. — «Prace Komisji Orientalistycznej», N 15, Kraków, 1932, стр. 166.

⁴ См. Л. Н. Х а р и т о н о в. Типы глагольной основы в якутском языке. М.—Л., 1954, стр. 260, 264.

каты', *тарс тарс* ўр- 'ударять с грохотом'; тур. *шарк эт-* 'ударять, гро-
мыхать'; туркм. *варк ур-* 'сильно кашлять', *һор чэк-* 'храпеть', *һорк һорк*
ур- 'хрюкать', *тапн тапн ур-* 'топать'; узб. *эһ тэрт-* ~ *эһ чэк-* ~ *эһ ур-*
эһ вэһ кил- 'охать, горевать, вздыхать', *дўк ур-* 'угрожать', *карсақ ур-*,
чапак ур- 'аплодировать', *акса ур-* (~ *аксир-*) 'чихать'. Сопоставляя гла-
голы типа *аксир-*, *шккир-* с только что приведенными сочетаниями, можно
сделать вывод, что их вторым компонентом является глагол *ур-*, исполь-
зуемый в целях словообразования, подобно глаголам *эт-*, *чэк-* и другим,
с которыми он эпизодически вступает в отношении свободного варьирова-
ния, ср. узб. *дўк ур-* ~ *дўк эт-* 'глухо стучать'.

Далее, сомнения вызывает попытка видеть в туркменских наречиях
дашарїк 'вне', *ичэрик* 'внутри', *јокарїк* 'вверх' сочетания падежных
форм на *-арї* ~ *-эри* со словом *їк* 'направление ветра, течения. . .' (стр. 215).
Маловероятно, чтобы слово, хорошо сохранившееся в современных тюркских
языках конкретное значение — 'заветренная сторона', 'сторона, защищен-
ная от ветра' (стр. 651), употреблялось параллельно для обозначения
стороны вообще, ср. туркм. и туркм. (диал.) *дўјдк* 'верблюду', *илэрик*
'вперед', 'на юг', *байрақ* 'назад', 'на северо-восток', *аңрик* 'туда', *бэрик*
'сюда'.

Особое значение Э. В. Севортян придает выяснению фактов глагольно-
именной омонимии. Полученные результаты — несколько десятков допол-
нительно выделенных омоформ — значительный вклад в грамматическую
характеристику древнейшей тюркской основы. Что же касается предполо-
жения о наличии в далеком прошлом «конверсионного» способа словообразо-
вания, следы которого якобы сохранились в характере грамматической
квалификации заимствований из арабского и персидского языков (стр. 36, 37),
то оно нуждается в тщательной проверке и развернутом обосновании. Случай
отнесения заимствованных слов и к именам и к глаголам в каждом отдельно
взятом тюркском языке единичны и обязаны своим появлением разным
обстоятельствам. Например, употребление в тюркских комментариях к Ко-
рану XII—XIII вв. наряду с существительным *аваз* 'начало' глагола *аваз-*
'начинать' — следствие параллельного заимствования имени и глагола:

перс. آغاز 'начало', ср. آغازیدن 'начинать'. Глагол *тэ́лмир-* ~ *тэ́лмйр-*
'уставиться, смотреть с тоской', 'высматривать', встречающийся во мно-
гих тюркских языках, оказался в одной омоформной паре с перс. دلپیر
'сердитый, раздраженный', по всей видимости, случайно. Так же обстоит
дело с включением в одну омоформную пару прилагательного *ашук*
'влюбленный' и глагола *ашук-* 'жаждать, стремиться'. Первое слово —
заимствование из арабского языка, с начальным 'айн'ом (عاشق), вто-
рое — собственно тюркское слово (آشقق).

Внешнее совпадение именных и глагольных основ в тюркских языках
отражает своеобразие исторического процесса развития частей речи, являясь
наследием той эпохи, когда еще не было грамматических классов, как таковых.
Оно не может быть поставлено в один ряд с конверсией, так как последняя
возможна лишь в условиях четкого разграничения имени и глагола.

Опорой для фонетических реконструкций послужил «непротиворечивый
материал», почерпнутый из имеющихся работ (стр. 26), и взгляды на истори-
ческую фонетику тюркских языков самого составителя. Если по вопросу
о том, как влияют на принятие тех или иных решений взгляды автора, есть
определенная ясность, то в отношении роли взглядов других тюркологов
трудно сказать что-нибудь определенное. В настоящее время известно не-
сколько точек зрения на природу тюркского вокализма, на структуру слова
и особенности его просодической стороны в языке, на древнетюркскую
систему согласных и т. д. Эти точки зрения, как правило, не совместимы,
и извлечь из них что-либо «непротиворечивое» можно только в частностях.
Достаточно взять вокализм. Часть тюркологов твердо придерживается мнени-
я, что долгие гласные в тюркских языках — вторичные, образовавшиеся
в результате выпадения согласных, и что, следовательно, противопоставле-

ние долгих и кратких гласных не является наследием пратюркской эпохи. Другие считают, что в тюркских языках необходимо различать первичные и вторичные долгие гласные и что оппозиция первичных долгих и кратких гласных восходит к древнейшему состоянию тюркского праязыка. При этом последние не единодушны в вопросе о том, какой была количественная оппозиция гласных — двухчленной (краткие/долгие) или трехчленной (краткие/полудолгие/долгие)⁵. Судя по конкретным замечаниям в словарных статьях, Э. В. Севортьян отдает предпочтение двухчленной оппозиции, однако предлагаемые им количественные характеристики вокализма реконструированных архетипов не всегда определенные. См. на стр. 450: «Для формы *олдаң/улдаң* в памятниках можно было бы допустить исходный глагол в виде **улда-/олда-*, следовательно, *<*ÿл-да-*; для формы *ултаң/олтаң* — в виде **улта-*, следовательно, *<*ул-та-*». Здесь приведен лишь один пример, но подобные колебания (ср. **ÿл ~ *ул ~ *ол*) встречаются настолько часто, что мы, пожалуй, не погрешим против истины, если назовем их типичными.

В выборе архетипа важную роль играет убеждение, что для наиболее ранних эпох в истории тюркских языков нужно допустить «фонетическое непостоянство корня, его вариативность» (стр. 29), а также «недостаточную устойчивость фонематических признаков» (стр. 31). Действительно, нельзя исключать фонетическую вариативность древнетюркского корня как отклонение от нормы, обусловленное рядом причин, но едва ли есть какие-нибудь веские основания возводить вариативность в принцип. Преувеличение размеров фонетического непостоянства корня чревато опасностью пренебрежительного отношения к закономерностям фонетических соответствий и отчасти лишает смысла трудоемкую и кропотливую работу по восстановлению архетипов.

На практике упомянутый выше принцип реализуется в отнесении тур. диал. *эм* 'способный, проворный, умелый' к словарной статье на *эм* (стр. 270) и к статье на *эн* (стр. 286, 287) или в рассмотрении туркм. диал. *адав* 'детская коляска, при помощи которой ребенок делает свои первые шаги' как производного от глагола **ад-/ад-* ~ **ај-* 'шагать, ступать' (стр. 88); туркм. *ајак* 'нога' — от глагола **ај-* ~ **ад-* 'шагать' (стр. 103, 106) и, по существу, в сближении *ајак* 'нога' с *адим* 'шаг', так как последнее возводится к глаголу **ад ~ *ам ~ *ат-* 'шагать' (стр. 88, 89); туркм. *ајбир* 'жеребец' — от **ај ~ *ад ~ *ад-* ~ **аз-* 'возбуждаться (похотью)', 'покрывать (о животных)' (стр. 108); туркм. *аји* 'медведь' — от **ај-* ~ **ад-* 'быть престарелым' (стр. 113) и т. д. Безусловно, иногда не удается определить однозначно фонетический облик архетипа и обойтись без указания на допустимые варианты, однако число их должно быть предельно ограниченным. Указание на четыре-пять вариантов (ср. **ај ~ *ад ~ *ад-* ~ **ам ~ *ат-* 'шагать, ступать') явно страдает чрезмерной избыточностью.

Этимологический анализ почти в каждой словарной статье завершается авторскими решениями, которые содержат много интересного и полезного, независимо от соотношения в них негативной и позитивной части, и которые лишь в отдельных случаях даны без развернутой аргументации. Ср.: туркм. *ав-* 'сваливаться, переваливаться, валиться' < **ав-*, или **иң-* (стр. 69); туркм. *авач* 'дерево' < **и* 'семя', '(по)сев', 'растение'... + аффикс *-вач* «в увеличительном значении» (стр. 72); туркм. *ак-* 'течь' < **алк-* (стр. 119); туркм. *ашит-* 'слышать' < **ши-* + аффикс побудительного залога *-ит* (стр. 319) и т. д. Относительно слова *авач* заметим, что отражение общетюркских **а* и **ā* в виде *і* распространенное явление. Возможность же отражения **і* и **ī* в виде *а* в корневой морфеме сомнительна. Иначе говоря, если сопоставляются разновидности *авач* и *івач* (*ивач*), то фонетически доказуемо развитие второй из первой, так же как *івла-* 'плакать' из *авла-*, но не наоборот. Ссылка на примеры из словаря В. В. Радлова,

⁵ Ср. у Г. Дёрфера: G. D o e r f e r. Khalaj Materials. «Uralic and Altaic Series», 115. Bloomington, 1971, стр. 234, 261, 262.

«подкрепляющая» членение *šuit-* 'слышать' на *šh-it-*, не убеждает, что уже отмечалось Г. Дёрфером⁶.

Несколько слов о реконструкции семантической стороны. Эта область исследования до сих пор не имеет солидной теоретической основы, и назвать приемы, обеспечивающие точность семантической квалификации архетипов, пока трудно. Многолетний опыт изучения семантики подсказывает, что одна из главнейших линий ее эволюции заключается в постепенном переходе от менее общих к более общим значениям. Из этого следует, что, например, значение 'промежутков во времени и пространстве' у слова *āra* ~ *ara* (стр. 162—163) относительно позднее, развившееся из восприятия какого-то конкретного пространственного образа. Это также дает право утверждать, что др.-тюрк. *ōd* ~ *ōj* не вообще 'время', а определенный отрезок времени, и поэтому кажется излишним вопрос о том, как в тюрк. *ōjläš* из значения 'время' развилось значение 'полдень' (стр. 517). Признавая направленность семантических изменений от конкретного к общему, этимолог не может оставить без ответа вопрос о том, правомерно ли выделять на уровне праязыка несколько совпадающих по содержанию основ, или вопрос о допустимости обозначения одной и той же основой однотипных, но разнохарактерных действий: движения солнца к зениту и подъема человека в гору, переправы через воду и перехода через возвышенность, способа передвижения человека и лошади [ср. кирг. *ajañ* 'шаг (ход лошади)' из **aj-* 'шагать, ступать' и **aj-* с тем же значением (о человеке), стр. 103, 106; ср. также: 'бежать' (о человеке и о лошади)] и т. д.

Заканчивая краткий критический разбор первого тома «Этимологического словаря тюркских языков», необходимо еще раз подчеркнуть дискуссионный характер большинства сделанных замечаний и бесспорность огромных научных достоинств рецензируемого труда. Независимо от того, какие изменения будут внесены впоследствии в толкование отдельных слов, в их морфологический анализ и в установление «предельно достижимого древнего фонетического облика слова», составленный Э. В. Севортьяном словарь станет на долгие годы настольной книгой для всех тех, кому приходится иметь дело с тюркской лексикой.

А. М. Щербак

Valtonen, Pertti.

Suomen mustalaiskielen etymologinen sanakirja.

Helsinki, Suomalaisen kirjallisuuden seura, 1972, 138 стр.

(Tietolips 69)

Пертти Вальтонен уже давно изучает жизнь и быт финляндских цыган. О них он опубликовал интересные исследования, которые появились в известном печатном органе «Journal of the Gypsy Lore Society» в Англии. Рецензируемый этимологический словарь цыганского языка в Финляндии еще раз подтверждает, что автор очень хорошо познакомился с проблемами изучения цыганских диалектов в Финляндии.

В «Введении» словаря (стр. 5—9) указывается на интерес ученых к цыганскому языку в Финляндии. Начальные занятия в этой области восходят к XVIII в. В «Введении» встречаются имена таких цыганологов как Артур

⁶ G. D o e r f e r. Gedanken zur Gestaltung eines idealen Türkischen Etymologischen Wörterbuchs. — «Orientalistische Literaturzeitung», 66. Jahrgang, № 9/10, Berlin, 1971, стр. 446.